

Его голос прозвучал, и тут же вокруг собралась дюжина людей. Чжун Минчжу знала лишь некоторых из них, но понимала, что это, скорее всего, те самые приспешники, которые обычно следуют за Нань Сычу.

Будучи самым сильным из учеников, поступивших в одно время с ней, он всё ещё нуждался в помощниках. Чжун Минчжу невольно издала насмешливый звук, произнося каждое слово с подчёркнутой ясностью:

— Несколько дней назад, когда я собирала травы, мой летающий меч, несмотря на ясное небо, был поражён молнией.

— Ты... что ты хочешь сказать? — Нань Сычу нахмурился, его голос стал строгим. — Тебе просто не повезло, какое это имеет отношение ко мне? К тому же, судя по твоему виду, ты не пострадала. Может, ты всё это выдумала?

Его слова звучали как обвинение в том, что Чжун Минчжу не знает, что для неё лучше.

Она, однако, нисколько не испугалась его агрессивного тона. Напротив, её лицо озарилось ещё более милой и дружелюбной улыбкой, а голос стал мягким, словно наполненным искренностью:

— Я пришла сегодня, чтобы поблагодарить старшего брата Наня.

— Что... что?

— Потеря лошади может обернуться удачей. Позже я встретила бессмертную Чан Ли, которая, пожалев меня из-за неудачного стечения обстоятельств, подарила мне меч.

С этими словами она вызвала меч, подаренный Чан Ли, и с гордостью продемонстрировала его перед всеми, наслаждаясь моментом, когда на их лицах — особенно на лице Нань Сычу — появились недоверие и тщательно скрываемая зависть. Затем она убрала меч и с достоинством удалилась.

Не успела она отойти далеко, как услышала позади громкий звук падения меча. Она не обернулась, зная, что Нань Сычу, даже если он был взбешён, не осмелится напасть на неё на пике Минцзин, на глазах у Ху Цина, если только он не хочет быть выброшенным за ворота секты.

В течение долгого времени после этого она чувствовала, что за ней пристально следят. Если раньше Нань Сычу просто хотел проучить её, дерзкую ученицу, не знающую своего места, то после того дня он, вероятно, окончательно возненавидел её. Он изо всех сил пытался найти возможность отомстить.

Однако Чжун Минчжу не дала им ни единого шанса. С тех пор она никогда не выходила одна.

— Я могу использовать меч, чтобы тебя перенести.

Одной этой фразы было достаточно, чтобы Дин Линъюнь с радостью стала её постоянной спутницей, хотя после того, как она узнала, что Чжун Минчжу удостоилась чести получить меч от бессмертной Чан Ли, она три дня не разговаривала.

Зависть была настолько сильной, что она боялась расплакаться, едва открыв рот.

— В будущем я буду забирать для тебя задания на пик Тяньтай.

Чжун Минчжу могла только так её утешить.

Впрочем, Дин Линъюнь, будучи наследницей знатного рода, не слишком переживала из-за меча уровня золотого ядра, который, возможно, никогда не использовала бессмертная Чан Ли. Когда её бурные эмоции утихли, она согласилась с просьбой Чжун Минчжу как можно чаще сопровождать её.

Её семья, хоть и была всего лишь боковой ветвью, всё же принадлежала к одной из самых влиятельных семей в мире культивации — роду Е. Их влияние было сравнимо с влиянием семьи Нань, и с её поддержкой никто не осмеливался приставать к Чжун Минчжу.

— Мне интересно, почему ты считаешь меня своей подругой? — как-то раз спросила Чжун Минчжу.

— Наверное, это просто симпатия с первого взгляда.

На круглом лице Дин Линъюнь появилась яркая улыбка.

Чжун Минчжу уже хотела спросить, что она имеет в виду, но та продолжила:

— Среди всех, кто пришёл в тот день, ты была самой красивой.

Так можно использовать симпатию с первого взгляда?

— Я тоже думаю, что довольно миловидная...

Чжун Минчжу пробормотала, погладив себя по лицу.

Из-за потери памяти она однажды очень внимательно рассмотрела свои черты. Она выглядела как изящная и утончённая дочь чиновника. Её тонкие черты создавали впечатление хрупкости, хотя её характер никак не соответствовал этому образу. Однако, когда она молчала, её внешность могла обмануть кого угодно.

— Я думаю, Нань Сычу тоже неплох.

Она слегка скромничала.

Хоть он и неприятный, но лицо у него действительно хорошее.

— Он даже рядом не стоит с моим братом!

Дин Линъюнь пренебрежительно махнула рукой.

Брат Дин Линъюнь, Дин Линфэн, был известен как один из самых красивых мужчин в городе Юньчжун. Желающих вступить с ним в двойное совершенствование хватило бы, чтобы обойти весь внутренний город, а некоторые даже готовы были стать печками для него — последнее Чжун Минчжу услышала от других. Она ещё не совсем понимала, что такое двойное совершенствование и печки, но догадывалась, что это темы, которые лучше не копать слишком глубоко, особенно с её невинной внешностью.

Однако, имея такого брата, неудивительно, что Дин Линъюнь не считала лицо Нань Сычу чем-то выдающимся.

— Ты, случайно... — Чжун Минчжу вдруг что-то вспомнила, — видела портрет бессмертной Чан Ли?

Дин Линъюнь, должно быть, никогда не видела Чан Ли, но её описание внешности бессмертной было настолько точным, что это не могло быть просто слухами. Чжун Минчжу высказала догадку, и, к её удивлению, она оказалась верной.

— Разве я не говорила?

С удивлением спросила Дин Линъюнь.

— Когда правитель города Чжулан, Цзян Линьчжао, посещал секту Тяньи, он случайно забрёл на пик Тяньтай и встретил бессмертную Чан Ли. Вернувшись, он по памяти написал её портрет. Несколько лет назад, когда я гостила в городе Чжулан, мне посчастливилось его увидеть.

Возможно, она говорила об этом, но Чжун Минчжу не запомнила. Она почесала нос и задумалась: какую роль в её восхищении бессмертной Чан Ли играла её внешность?

Действительно, она была невероятно красива. Её облик и дух были настолько возвышенными, что, если бы в этом мире ещё существовали боги, они, вероятно, выглядели бы именно так.

— Бессмертная Чан Ли — самая красивая женщина, которую я когда-либо видела.

Дин Линъюнь продолжала говорить, но мысли Чжун Минчжу уже унеслись в другое место.

Она вспомнила отражение в пруду, колебания ци меча на бамбуковых ветвях, тишину, которая казалась вечной.

Чёрные глаза, белые одежды — два противоположных цвета, но в них чувствовалась некая схожесть.

Безупречные, чистейшие, словно пустые, но в то же время способные вместить всё.

За исключением выполнения заданий и посещения лекций, большинство внешних учеников либо выбирали тихое место для медитации, либо занимались боевыми искусствами. Основные техники, которым их обучали, было легко освоить, но усердные ученики продолжали тренироваться день за днём, чтобы преуспеть и выделиться на испытаниях.

Ху Цин преподавал различные боевые искусства, включая удары, а также владение оружием. Только видов оружия было около восемнадцати, но семь из десяти учеников практиковали фехтование, что заставляло Чжун Минчжу думать, что это, возможно, какая-то секта мечников.

Секта Тяньи была основана на искусстве заклинаний и массивов, а линия боевых искусств не была исключительно для мечников. Всё изменилось, когда У Хуэй унаследовал эту линию. Он впервые заявил о себе на арене испытаний Дая, продемонстрировав превосходное владение мечом, которое заставило других мечников склонить головы. За последующие тысячу лет многие приходили бросить ему вызов, но никто так и не смог победить его. Поэтому сейчас секта Тяньи наиболее известна своими мечниками.

И из-за Чан Ли в этом году количество учеников, изучающих меч, увеличилось на два-три процента.

Как говорила Дин Линъюнь:

— Как только вспоминаешь, что бессмертная Чан Ли изучала те же приёмы, хочется повторить их семь-восемь сотен раз.

Чжун Минчжу, однако, не разделяла её энтузиазма. Не знаю почему, но её не слишком интересовало фехтование. Как только она смогла кое-как повторить весь набор движений, её интерес угас, и она больше не тренировалась. Вместо этого она чаще наблюдала за тренировками на арене, время от времени комментируя:

— Рука дрожит, а он рисует столько кругов, наверное, сам себя запутал.

Или:

— Такой приём привлекает молнии, не боится, что меч сгорит?

Она совершенно не проявляла той тревожности, которая должна быть у одинокой девушки, потерявшей память.

Иногда она задавалась вопросом, почему она такая. Разве она не должна быть наивной, добродушной и чистой, как героини из романов?

Но вместо этого она больше походила на злую и равнодушную второстепенную героиню, которая то и дело внутренне насмехалась над людьми или событиями, но при этом быстро забывала обо всём.

Она никак не могла понять, почему это так, и в конце концов перестала думать об этом, что вполне соответствовало её самопровозглашённому «широкому» характеру.

Когда ей надоело наблюдать за хаосом на тренировочной площадке, и она начала скучать от безделья, Фэн Хайлоу принёс ей хорошие новости, точнее, напомнил.

Внешние ученики могли изучать не только медитацию и фехтование, но и медицину, заклинания, массивы, металлургию и многое другое. Однако заклинания и массивы на начальном этапе были слабыми, а лекарства и инструменты, созданные с помощью медицины и металлургии, были хуже, чем те, что можно было просто купить. По сравнению с боевыми техниками, они практически не помогали в испытаниях после закладки основания, поэтому мало кто из учеников начинал изучать их на этапе закалки ци.

Ху Цин упоминал об этом, но Чжун Минчжу не придавала этому значения, а позже, увидев, как все бросились изучать меч, она и вовсе забыла.

После напоминания Фэн Хайлоу она сразу же отправилась к Ху Цину. Уже более ста лет ни один ученик на этапе закалки ци не просил изучать эти дисциплины, и он был весьма удивлён, узнав о её намерениях.

<http://bllate.org/book/16292/1468285>